

«МАЛЬЧИК, НЕ ВОЛЬНЮЙСЯ!»

Вернувшись «на материк» после лагерей, Рознер поселился в гостинице «Москва». Конечно, не в гостиничном ресторане собирал Эдди Рознер осенью 1954 года свой новый биг-бэнд. Местом приложения сил стала Мос-эстрада, точнее говоря, Всероссийское гастрольно-концертное объединение (ВГКО). Для начала надо было решить два главных вопроса: с кем играть и что играть. Некоторые музыканты достались Эдди «в наследство» от Цфасмана.

Появился у Рознера блестящий ударник – Борис Матвеев, ничем не уступавший своему кумиру – бывшему цфасмановскому ударнику Ласло (Лаци) Олаху, чем-то даже превосходивший его. Чем? Ну, начнем с того, что Матвеев был молод. Во-вторых, свои джазовые университеты он прошел, поступив на «факультет свинга» сразу, в отличие от Олаха, работавшего до поры в других стилях.

Прослушивание состоялось в гостинице «Москва». Матвеев пришел к Рознеру с приятелем – пианистом. После первых исполненных композиций Эдди прервал играющих и сказал:

– Беру обоих.

Матвеев согласился, а Основиков отказался.

Появление Бориса Матвеева на московской джазовой сцене можно было сравнить с приходом вратаря Льва Яшина на смену голкиперу Алексею Хомичу на арене футбольной.

Казалось бы, вопрос «что играть» для Рознера был ясен с самого начала. Ту музыку, которую он любил сам, плюс то, что стало неотъемлемой частью жизни молодых людей за годы его отсидки. Но не все так просто. Всесоюзная книжная палата циркулярно рассылала так называемый «Список устаревших произведений». Под устаревшими подразумевались песни и инструментальные пьесы, которые не следовало исполнять публично. Все они были когда-то выпущены в Советском Союзе на грампластинках. Среди них песни Бориса Фомина, записи Вадима Козина и Изабеллы Юрьевой, джаз-оркестров Александра Цфасмана и Генрика Варса, бэндов Скоморовского и Утесова, танцевальной капеллы Фердинанда Криша и духового оркестра Агапкина, плюс целый ряд песен времен войны (!), включая «Темную ночь» из кинофильма «Два бойца» («Шаланды» и подавно). В список 1953 года вошли 14 вещей из репертуара рознеровского оркестра, в том числе «Негритянская фантазия».

Какой тут джаз, если даже «Темную ночь» исполнять нельзя!.. По словам Раймонда Паулса, «джазмены собирались там, где играть джаз не возбранялось, – на танцевальных площадках, ресторанных сценах. Больше им некуда было податься со своим гонимым жанром».

Эдди Рознеру было ничуть не проще. Музыканту, которого заклеили позором как кабацкого трубача, предстояло вновь руководить государственным коллективом. Здесь нужно постоянно иметь дело с его величеством Худсоветом и с товарищем Реперткомом – комиссиями по приемке и контролю, отслужившими и визировавшими репертуар. «Но Эдди умел их обвести вокруг пальца, – рассказывал Луи Маркович, – поэтому оркестранты и прозвали его “царем”». Хотя когда постоянно держишь отчет, «протаскивая» ту или иную вещь, в пору воскликнуть: «царь я или не царь?»

Оркестр назывался эстрадным. Термин, как мы помним, предложил Утесов, и с его подачи такой «компромисс вместо компромата» был официально внедрен в справочную номенклатуру и реальную практику применительно ко всем типам биг-бэндов. Понятие широкое, хотя и вполне адекватное тому, что Рознер уже делал до войны: ревию-оркестр. Но как делать настоящее ревию, то есть шоу, без «западных» достижений?

Первым делом Рознер стал восстанавливать белорусский репертуар. В новую команду Рознера пришли другие коллеги по Госджазу БССР – Павел Гофман, Луи Маркович, Юрий Цейтлин, Валентин Меликян.

И вот уже оркестр репетировал танго «Останься», «Зачем», «Прощай, любовь», «Тиху воду» – быстрый фокстрот.

Однако на старом багаже далеко не уедешь, нужны новые песни и пьесы. Сошлюсь опять на Раймонда Паулса: «Ноты с самыми модными мелодиями были страшным дефицитом, и найти их было практически невозможно».

Нет нот? Ищи аранжировщика. Аранжировщик в Москве был. И какой! Вадим Людвиговский успел за эти годы не только возмужать и окончить консерваторию, он работал в оркестре Леонида Утесова. Как раз в ту пору Леонид Осипович неожиданно заболел, многие полагали, что в свой коллектив он больше не вернется. Так Людвиговский на некоторое время фактически оказался во главе Государственного эстрадного оркестра РСФСР.

«Пригрев» в бэнде отъявленного космополита – эмигранта из Шанхая Гарри Гольди¹, певца, исполнявшего западный репертуар на языке оригинала и в подобающей крунерской манере, он пошел еще дальше – заставил утесовцев играть свинг! Кульминацией рискованного проекта стала подготовка премьеры сочинения Арти Шоу – Концерта для кларнета с джаз-оркестром, а также запись нового *Место для формулы*.саундтрека «Веселых ребят». Финал – разборки с выздоровевшим Леонидом Осиповичем, который забеспокоился, что оркестр у него вот-вот уведут.

Но Людвиговский был рад помочь и откликнулся новыми партитурами. Начался период интенсивных репетиций.

¹ Настоящие имя и фамилия – Хемма Голдфельд.

В музыке как в спорте: важны систематические упражнения. А для джаза, как известно, требуются специфические таланты и навыки, здесь одним академическим образованием не обойтись. Не выручит ни виртуозность, ни скорость в чтении нот с листа. Художественная задача – играть стильно, когда техническое мастерство идет рука об руку джазовым чутьем. Импровизировать дано не каждому. Главное – избежать кустарщины, отшлифовать динамические оттенки, правильную артикуляцию, фразировку, нащупать свинговый пульс.

Трубач рознеровского оркестра Владимир Забродин вспоминал, как Эдди, репетируя несколько часов и так и не добившись искомого звучания скрипичной группы (кто-то музицировал тише, кто-то вступал невпопад), взял скрипку у Павла Гофмана и с возгласом «холера» сыграл сам весь контрапункт во французской песне, исполнявшейся певцами Иваном Таракановым и Аркадием Лакшиным.

Легко ли играть, сознавая, что ты работаешь в главном биг-бэнде страны, что от тебя ждут той музыки, которая больше пяти лет была приравнена к идеологической диверсии?

– Я вышел к микрофону, а вступить не могу, – вспоминал саксофонист Илья Алчеев.

– Мальчик, не вольнойся! – бросил Рознер. И, привычно ругаясь по-польски, дал сигнал остальным: – Холера пся крев, вторая цифра.

Алчеев дождался, пока бэнд отыграет шестнадцать тактов, и вступил в нужном месте.

Рознер

Людвиковский

Гитара- Маркович, за ударной установкой Матвеев